

УДК 159.9**Привязанность как детерминанта посттравматического роста
при переживании травматических событий****Андронникова Ольга Олеговна**Кандидат психологических наук, доцент,
декан факультета психологии,Новосибирский государственный педагогический университет,
630126, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Виллюйская, 28;
e-mail: andronnikova_69@mail.ru**Романова Наталья Викторовна**

Соискатель,

Психотерапевтический центр «Беркана»,

Новосибирский государственный педагогический университет,
630126, Российская Федерация, Новосибирск, ул. Виллюйская, 28;
e-mail: vita80@inbox.ru**Аннотация**

В статье представлен анализ влияния стиля привязанности на возможности посттравматического роста. Описано понятие привязанности через концепцию ДЖ. Боулби. Проанализировано каким образом стиль привязанности, сформированный в отношениях со значимым взрослым (родителем, опекуном) может влиять на адаптацию и восстановление личности. Рассматривается влияние механизмов привязанности на поведение в травматической ситуации и процесс посттравматического роста. Предложены данные эмпирического исследования, проведенного на выборке студентов-психологов и молодых специалистов -психологов (N =122 человека), имеющих опыт переживания травматических событий. Средний возраст респондентов 21,14 лет. Для исследования использовался биографический опросник, опросник «Опыт близких отношений» (ECR-R) (адаптация Т.В. Казанцевой), Опросник посттравматического роста (PTGI) (М.Ш. Магомед-Эминов). Выявлено, что ненадежный (тревожный, отвергающий) стиль привязанности отрицательно связан с процессом посттравматического роста. Регрессионный анализ позволяет сделать вывод о прогностическом влиянии стиля привязанности на общий посттравматический рост личности. Кроме того, тревожность в отношениях привязанности детерминирует затруднения в росте личной силы и повышение ценности жизни, а избегание близости затрудняет изменения в отношении к другим. Результаты определяют необходимость психотерапевтической помощи лицам с ненадежной привязанностью в ситуации переживания травматических событий.

Для цитирования в научных исследованиях

Андронникова О.О., Романова Н.В. Привязанность как детерминанта посттравматического роста при переживании травматических событий // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2025. Т. 14. № 2А. С. 32-42.

Ключевые слова

Психологическая травма, травматический опыт, ненадежная привязанность, тревожный стиль привязанности, избегание близости посттравматический рост, детерминанты.

Введение

Теория привязанности, сформулированная Дж. Боулби предполагает, что ранний детский опыт общения со значимыми фигурами (в первую очередь родителями) имеют важное значение для формирования чувства безопасности ребенка [Bowlby, Ainsworth, Bretherton 1992]. В процессе взаимодействия с родителем (чаще с матерью) формируются внутренние рабочие модели взаимоотношений, которые определяют восприятие и поведение в близких отношениях на протяжении всей жизни [Bowlby, Ainsworth, Bretherton; Fraley, Gillath, Deboeck, 2021]. Другими словами, эта модель интернализуется и позже обобщается для установления отношений с другими людьми [Sheffall et al., 2013].

Внутренние рабочие модели состоят из ментальных представлений о себе, других и отношениях, которые определяют мысли, чувства и поведение в ситуациях, связанных с привязанностью, на протяжении всей жизни [Bretherton, Munholland, 2008]. Именно внутренние рабочие модели, по мнению S.C. Stanton, L. Campbell [Stanton, Campbell 2014] выступают прототипом дальнейших (взрослых) отношений и влияют на социальное познание, регуляцию эмоций, динамику отношений и психологическое благополучие. Индивидуальные различия интернализируются как активные модели, которые связаны с типами привязанности взрослых, с различными моделями стилей совладания и стратегиями эмоциональной регуляции [Cassidy, Jones, Shaver, 2013].

R. C. Fraley C.C. Brumbaugh [Fraley, Brumbaugh, 2004], считают, что рабочие модели функционируют как репрезентации, подобные чертам, что означает устойчивость стилей привязанности к изменениям. С другой стороны, содержание рабочих моделей, постоянно обновляется на основе опыта взаимоотношений, что означает возможность изменения моделей в результате успешного (или неуспешного) опыта отношений.

Современные исследования привязанности концентрируются на детализации того, как привязанность влияет на эмоциональное и социальное развитие человека. Большой пул исследований направлен на выявление специфики устойчивости и трансформации стиля привязанности на протяжении жизни [Dagan et al., 2021] и / или в связи с переживанием значимых жизненных событий [Christie, Sandoval, 2024]. Важным направлением исследования выступает выявление взаимосвязей между стилями привязанности и психическими расстройствами (депрессией, тревожностью и др.) [Antonucci et al., 2018]. Значительный интерес вызывает специфика нейробиологических процессов, в рамках которых выстраивается привязанность [Sullivan, 2012]. В зарубежной психологии представлен пул исследований, анализирующих понимание привязанности в рамках культурной разницы [Strand, Vossen, Savage, 2019]. В российской психологической науке в фокусе внимания находится взаимосвязь стилей привязанности с психологическим здоровьем и благополучием [Авдеева, 2017].

Теория привязанности, автором которой является Дж. Боулби [Bowlby, Ainsworth, Bretherton, 1992], объясняет, как взаимодействие между родителями (опекунами) и детьми влияет на эмоциональное и психологическое благополучие человека, особенно в стрессовых и

травматических ситуациях. По мнению Дж. Боулби, привязанность — это уникальное партнерство между ребенком и его родителем, которое определяет, как ребенок будет относиться к любовным отношениям и агрессии, а также то, как будет справляться со стрессом в будущем.

Глобально, стили привязанности делятся на несколько групп: надежный, избегающий и амбивалентный стили привязанности [Bretherton, 2013]. При надежной привязанности ребенок научается адекватной зависимости от родителей, потому что они были отзывчивы к его потребностям. Ненадежная привязанность, определяемая М. Эйнсворт как следствие непредсказуемости, связана с неорганизованным и пугающим поведением родителя (опекуна), что приводит к неорганизованным и непредсказуемым способам совладания со стрессом у ребенка [Ainsworth, 1991]. У людей с неорганизованной привязанностью модели поведения перепутаны. Опыт травмированного ребенка может характеризоваться замешательством, страхом и отсутствием рационального управления, которые могли бы помочь эффективно справляться с событиями. Избегающая привязанность проистекает из отношений, которые характеризуются эмоциональной недоступностью родителя, вызывающей у ребенка потребность стать независимым и бесчувственным. При амбивалентной (тревожной) привязанности дети не уверены в доступности родителей и поэтому не уверены в его любви [Bowlby, Ainsworth, Bretherton, 1992]. Система привязанности определяет поведенческие проявления человека в ситуации стресса и травматических событий, его потребность в поиске безопасности.

Данная теоретическая основа исследования позволяет изучать как привязанность влияет на реакции с ситуации травмы и посттравматическую симптоматику. Переживание травмы, достаточно часто вызывает хорошо известные негативные последствия, такие как посттравматическое стрессовое расстройство, депрессия и тревожность и многое другое [Bakaitytė et al., 2022; Tedeschi et al., 2018]. Однако переживание травматического события может привести не только к негативным последствиям, но и стать основанием для посттравматического роста [Valdez, Lilly, 2015; Падун, 2021].

Посттравматический рост (ПТР) это позитивные психологические изменения, которые происходят после преодоления травматического опыта. R.G. Tedeschi, J. Shakespeare-Finch, K. Taku, L.G. Calhoun предложили модель посттравматического роста, в которой отмечается, что изменения могут включать трансформацию взгляда на себя, отношениях с другими и/или мировоззрения и философии жизни [Tedeschi et al., 2018]. В модели ПТР используется более широкое понимание травматического опыта, чем описано в DSM-V, указывается на то, что не само событие, а личное восприятие его делает опыт травматичным. Значимость переживания определяется центральностью события как части жизненной истории и идентичности человека. Если травматическое событие воспринимается как центральное, то опыт может стать поворотным моментом, в котором жизнь делится на «до» и «после». Такое восприятие является важным предшественником ПТР. Факторами ПТР выступает множество явлений: специфика копинг-механизмов [Tedeschi et al., 2018]; склонность к руминации [Tedeschi et al., 2018]; склонность к самообвинению, как защитному механизму, обеспечивающему контроль [Bakaitytė et al., 2022]; специфику травматического переживания [Bakaitytė et al., 2022; Lowe et al., 2020]. Несмотря на выраженность интересов к вопросам детерминант ПТР, исследований, изучающих влияние стили привязанности на посттравматический рост в отечественной науке недостаточно.

Рассматривая теорию привязанности как основу для понимания специфики

посттравматического роста, остановимся на основных закономерностях реагирования людей с разным типом привязанности на травматические события. По теории привязанности Боулби, ребенок использует основного родителя как гарант безопасности и основание для познания мира, что обеспечивает ребенку психологическое и эмоциональное благополучие. В ситуации травмирования, люди, которые имеют надежную привязанность, скорее всего, будут демонстрировать признаки уверенности и здоровые стратегии преодоления стресса, сохранение позитивной самооценки.

Люди имеющие ненадежные модели привязанности (тревожные, избегающие или неорганизованные) могут столкнуться с серьезными трудностями в преодолении травмы. Люди с тревожной привязанностью могут быть подавлены травматическими событиями, развить тенденцию к сильному беспокойству или зависимости от другого значимого человека. В травматических событиях люди, с избегающей моделью привязанности, вероятно, будут сдерживать свои чувства и воздерживаться от поиска утешения и поддержки. Это поведение может привести к возникновению негативных механизмов совладания в качестве защитного механизма, таких как отрицание или отсутствие чувств, что мешает эффективному преодолению травмы.

H.J. Huh, K.H. Kim, H.Lee, J. Chae, в своем исследовании выявляют специфику переживания горя с разным типом привязанности [Huh et al., 2017]. Так, по исследованию авторов, люди с тревожным стилем привязанности испытывают сильный стыд и вину при столкновении с горем, в то время как люди с избегающим типом привязанности испытывают сложное горе, сопровождающееся неадаптивным поведением и мыслями.

Таким образом, опираясь на теорию Боулби можно выявить является ли стиль привязанности детерминантой ПТР при переживании травматических событий. Это позволит выявить эффективные технологии оказания помощи в ситуации травмирования, обеспечивающие максимально эффективную поддержку и ведущих к посттравматическому росту.

Методы

Исследование проведено на выборке студентов-психологов и молодых специалистов - психологов (N=122 человека) г. Новосибирск. Возраст участников был от 18 до 34 лет, средний возраст составил 21,14. Выборка состояла из участников, которые в анкете указали на опыт травмы. Женщины составили 71,2% (N = 87), а мужчины — 27,1% (N = 35) выборки. Большинство (59,2%) не состояли в отношениях, 35,6% состояли в романтических отношениях, а 5,2% были в браке.

Методики исследования. Для сбора демографической информации использовался биографический опросник. Участникам предлагалось обозначить свой возраст, пол, информацию о пережитых травматических событиях. Для выявления травматических событий участникам задавались вопросы: «Вы когда-нибудь переживали событие, которое вы считали травмирующим?»; «Если да, то когда это событие произошло (год и месяц)?»; «Сколько вам было лет на момент травматического события?»; «Пожалуйста, кратко опишите это событие»; «Что было для вас самым большим испытанием сразу после этого события?»; «Что и/или кто помогал вам во время и после события?»; «Сколько времени вам потребовалось, чтобы почувствовать себя в безопасности после того что произошло?»; «Есть ли что-то еще, связанное с травмирующим событием, что вы хотели бы упомянуть или объяснить?»

Для оценки стилей привязанности использовался опросник «Опыт близких отношений» (ECR-R) [Казанцева, 2008], направленный на выявление двух шкал -тревожности в отношениях привязанности и избегания близости. Для изучения последствий травматического события был использован «Опросник посттравматического роста (PTGI)» [Магомед-Эминов, 2008]. Опросник выделяет пять факторов посттравматического роста: «отношение к другим», «новые возможности», «сила личности», «духовные изменения», «повышение ценности жизни». Анкеты заполнялись в онлайн формате. Все участники были информированы о целях и задачах исследования и дали информированное согласие. Все ответы были конфиденциальными.

На первом этапе исследования респондентам была предложена анкета, позволяющая выяснить биографические и демографические данные и опыт переживания травматических событий. Впоследствии из всех респондентов, ответивших на вопросы анкеты, были отобраны респонденты, указавшие на наличие опыта травмы – 61%. Эти респонденты составили эмпирическую выборку (N =122 человека). На втором этапе проводилось тестирование эмпирической выборки с использованием двух методик: «Опыт близких отношений» (ECR-R), «Опросник посттравматического роста (PTGI)». На третьем этапе осуществлялся расчет взаимосвязей между показателями посттравматического роста и типом привязанности, затем произведено расчет структурных детерминант с использованием множественного регрессионного анализа (пошаговая регрессия).

Результаты

Анализ анкеты на первом этапе (N =200) показал, что 61% испытуемых юношеского возраста сталкивались с переживанием травматических событий на более раннем этапе своей жизни. Эти студенты составили основную выборку исследования (N =122). Анализ частоты и типологии травмирующих событий позволяет выделить как наиболее часто встречающихся событий смерть близкого человека (31,3%). Вторым по частоте травмирующим событием были нападение с целью ограбления (21,3%), третьим - автомобильная авария (16,9%). На четвертом месте проблема со здоровьем (15,8%). Среди источников помощи после травмы участники указали: 34,1% семью, 13,3% указали профессионала (психолога). 25,4% сказали, что не было никого кто оказывал помощь. В дальнейшем мы не делили выборку по типам травматического события, потому что многие респонденты указывали несколько травматических событий в своих анкетах. Также мы не учитывали количество событий, переживаемых как травматические. Основной фокус данной работы находился в ответе на вопрос о возможной детерминации ПТР стилем привязанности.

Корреляционный анализ полученных результатов, представленный в таблице 1, показывает наличие взаимосвязей между параметрами посттравматического роста и стилем привязанности в юношеском возрасте.

Таблица 1 - Корреляции между PTGI и стилями привязанности

	PTGI -1	PTGI -2	PTGI -3	PTGI -4	PTGI -5	PTGI- Всего	Тревожный стиль
PTGI -2	0,641 **	—					
PTGI -3	0,500 **	0,781 **	—				
PTGI -4	0,365 **	0,392 **	0,483 **	—			
PTGI -5	0,487 **	0,723 **	0,621 **	0,420 **	—		
PTGI -Всего	0,821 **	0,911 **	0,820 **	0,575 **	0,844 **	—	

	PTGI -1	PTGI -2	PTGI -3	PTGI -4	PTGI -5	PTGI- Всего	Тревожный стиль
Тревожный стиль	-,311 **	-,0182 *	-,313 **	0,042	-,0166 *	-,111 **	–
Избегающий стиль	-,455 **	-,015	-,088	0,064	-,011	-,253 *	0,544 **

Примечание. PTGI-1: Отношения к другим; PTGI-2: Новые возможности; PTGI-3: Сила личности; PTGI-4: Духовное изменение; PTGI-5: Повышение ценности жизни.

Различия статистически значимы при уровне значимости* - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$.

Результаты анализа позволяет говорить о наличии взаимосвязей между стилем привязанности и подшкалами PTGI, кроме шкалы PTGI-4 - Духовное изменение. Также избегающий стиль привязанности не связан с PTGI-2 - Новые возможности.

Использование множественного регрессионного анализа на выборке респондентов в 122 человека позволил выделить три регрессионные модели ($p < 0,05$), в которых переменными отклика выступили подшкалы PTGI (зависимые переменные), а в качестве предикторов стили привязанности. В таблице 2 представлены результаты анализа по трем регрессионным моделям.

Таблица 2 - Итоговые статистики регрессионных моделей

Статистики	PTGI -1	PTGI -2	PTGI -3	PTGI -4	PTGI -5	PTGI всего
Множест. R	0,813	0,639	0,932	0,781	0,812	0,718
Множест. R ²	0,621	0,510	0,717	0,611	0,659	0,576
F	7,011	4,010	8,519	5,188	10,116	8,227
p	0,000	0,035	0,000	0,049	0,000	0,000
Стд. Ош. Оценки	2,115	1,900	1,592	1,922	1,634	1,243

Примечание. PTGI-1: Отношения к другим; PTGI-2: Новые возможности; PTGI-3: Сила личности; PTGI-4: Духовное изменение; PTGI-5: Повышение ценности жизни.

Регрессионный анализ позволяет сделать вывод о прогностическом влиянии стиля привязанности на посттравматический рост личности. При этом коэффициент множественной корреляции (статистическая значимость $p < 0,000$) показывает наиболее тесную связь предикторов с показателем PTGI-3- Сила личности ($R = 0,932$), PTGI-1 - Отношения к другим ($R = 0,813$), PTGI-5 - Повышение ценности жизни ($R = 0,812$). Прогностическое влияние стиля привязанности и подшкал PTGI-2- Новые возможности, PTGI-4 - Духовное изменение, слабое. Анализ совместного вклада стиля привязанности в посттравматический рост (R от 0,932 до 0,639) отражает детерминацию возможности посттравматического роста факторами, связанными со стилем привязанности.

В дальнейшем мы рассмотрели каждую модель последовательно, что представлено в таблице 3.

Таблица 3 - Итоги регрессии для зависимых переменных

Зависимые переменные	Предикторы	БЕТА.	B	t	p-знач.
PTGI-1: Отношения к другим	Св. член		4,812	2,56	0,010
	Тревожность в отношениях привязанности	-	-	-	-
	Избегание близости	- 0,351	-0,123	- 0,073	0,018
PTGI-3: Сила личности	Св. член		10,22	4,55	0,000
	Тревожность в отношениях привязанности	-0,411	-,0 444	-3,65	0,012
	Избегание близости	-	-	-	-

Зависимые переменные	Предикторы	БЕТА.	В	t	p-знач.
PTGI-5: Повышение ценности жизни	Св. член		3,231	1,43	0,049
	Тревожность в отношениях привязанности	-0,428	-0,216	-3,57	0,002
	Избегание близости	-	-	-	-
PTGI Общий посттравматический рост	Св. член		0,679	2,12	0,005
	Тревожность в отношениях привязанности	- 0,457	-0,398	- 3,87	0,000
	Избегание близости	-0,219	-0,291	-1,91	0,090

Результаты показали, что тревожный стиль привязанности выступает значимым отрицательным предиктором общего балла посттравматического роста (-0,457), а также для подшкал Личной силы (- 0,428) и Повышение ценности жизни (-0,411) PTGI. Избегающий стиль привязанности был значимым отрицательным предиктором подшкал Отношение к другим (- 0,351) и общего балла посттравматического роста (-0,219) PTGI. Иерархический регрессионный анализ с подшкалой 2 (Новые возможности) и подшкалой 4 (Духовное изменение) в качестве переменных результата оказался статистически незначимым.

Обсуждение результатов

Целью настоящего исследования было выявление влияния стилей привязанности на переживание травматических событий и последующий посттравматический рост. В целом, ненадежный и тревожный стили привязанности выступают отрицательными предикторами посттравматического роста. Анализ полученных результатов подтверждает существующие в этой области исследования, позволяющие утверждать, что стиль привязанности отражается в когнитивных, поведенческих и нейронных моделях регуляции эмоций [Mikulincer, Shaver, 2019]. Предыдущие исследования переживания травматических событий, описанных в зарубежной литературе, показали, что люди с тревожной привязанностью более остро переживают трудности и чем люди с надежной привязанностью [Mikulincer, Shaver, 2019; Tang et al., 2021; Huh et al., 2017].

Отметим, что тревожный стиль привязанности выступает негативным предиктором таких шкал как общий балл посттравматического роста, подшкал Личной силы и Повышение ценности жизни. Это означает, что при наличии тревожного стиля привязанности человек может не чувствовать себя способным контролировать возникающие стрессовые события, считая себя слабым и беспомощным. При возникновении ситуации угрозы жизни, может не чувствовать ее (жизни) значимости. Это соотносится и с исследованиями других авторов. Так, Q.Tang, Y. Liu, T.Wang, X.Chen [Tang et al., 2021] отмечают, что отрицательное эмоциональное возбуждение у лиц с тревожным стилем привязанности значительно более высокое, нежели у респондентов, обладающих надежной привязанностью, что снижает их продуктивность в стрессовых и травматичных событиях.

Избегающий стиль привязанности определяется дискомфортом от близости с другими, что скорее всего приведет к одиночеству и сложностям в поиске помощи со стороны в травматической и стрессовой ситуации. Что подтверждает выводы о специфике переживания горя лицами с избегающим стилем привязанности [Huh et al., 2017]. Однако такое поведение приводит к снижению ПТР.

Таким образом наличие тревожного или избегающего стиля привязанности снижает

способность эффективно переживать травматические события и может негативно повлиять на потенциальное развитие посттравматического роста. Это вызывает необходимость терапевтических вмешательств при переживании травматических событий лицами с ненадежной привязанностью для организации помощи в посттравматическом росте.

Заключение

Результаты показывают, что ранний опыт привязанности может быть связан со спецификой преодоления трудностей и посттравматическим ростом. Так ненадежный стиль привязанности может ограничить потенциал пережившего травму человека, затрудняя извлечение пользы из травматического опыта и снижение его способности к посттравматическому росту. Эти результаты значимы для терапевтических вмешательств при переживании травматического опыта.

Библиография

1. Авдеева Н.Н. Теория привязанности: современные исследования и перспективы [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 7–14. doi:10.17759/jmfp.2017060201
2. Казанцева Т.В. Адаптация модифицированной методики «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р. К. Фрейли // Известия РГПУ им. Герцена, 2008. № 34 (74). С. 139-143
3. Падун М.А. Комплексное ПТСР: особенности психотерапии последствий пролонгированной травматизации // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 3. С. 69–87. DOI: <https://doi.org/10.17759/cpp.2021290306>
4. Магомед-Эминов М. Ш. Феномен экстремальности. М.: Психоаналитическая Ассоциация, 2008. 118 с.
5. Ainsworth M. D. S. (1991). Attachments and other affectional bonds across the life cycle. In C. M. Parkes, J. Stevenson-Hinde, & P. Marris (Eds.), *Attachment across the life cycle* (pp. 33-51). London: Routledge.
6. Antonucci L. A., Taurisano P., Coppola G., Cassibba R. (2018). Attachment style: The neurobiological substrate, interaction with genetics and role in neurodevelopmental disorders risk pathways. *Neuroscience and biobehavioral reviews*, 95, 515–527. doi:10.1016/j.neubiorev.2018.11.002
7. Bakaitytė A., Puente-Martínez A., Ubilos-Landa S and Žukauskienė R (2022). Path to posttraumatic growth: The role of centrality of event, deliberate and intrusive rumination, and self blame in women victims and survivors of intimate partner violence. *Frontiers in psychology*. 13:1018569. doi: 10.3389/fpsyg.2022.1018569
8. Bowlby J., Ainsworth M., Bretherton I. (1992). The Origins of Attachment Theory. *Developmental Psychology*, 28, 759-775.
9. Bretherton I, Munholland K.A. Internal working models in attachment relationships. In: Cassidy J, Shaver PR, editors. *The Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*. 2nd. New York, NY: Guilford Press; 2008. pp. 102–127.
10. Bretherton I. (2013) The Origins of Attachment Theory: *John Bowlby and Mary Ainsworth*. *Attachment Theory*. Routledge, 45-84.
11. Cassidy J., Jones J. D., Shaver P. R. (2013). Contributions of attachment theory and research: a framework for future research, translation, and policy. *Development and psychopathology*, 25(4 Pt 2), 1415–1434. doi:10.1017/S0954579413000692
12. Christie K., Sandoval A. (2024). Attachment Styles and Traumatic Responses: Exploring the Impact of Parental Interaction on Child Development and Coping Mechanisms. *Open Journal of Psychiatry*, 14, 467-489. doi: 10.4236/ojpsych.2024.145028.
13. Dagan O., Groh A. M., Madigan S., Bernard K. (2021). A Lifespan Development Theory of Insecure Attachment and Internalizing Symptoms: Integrating Meta-Analytic Evidence via a Testable Evolutionary Mis/Match Hypothesis. *Brain sciences*, 11(9), 1226. doi:10.3390/brainsci11091226
14. Fraley R.C., Brumbaugh C.C. (2004). A Dynamical Systems Approach to Conceptualizing and Studying Stability and Change in Attachment Security. In W. S. Rholes & J. A. Simpson (Eds.), *Adult attachment: Theory, research, and clinical implications* (pp. 86–132). Guilford Publications.
15. Fraley R. C., Gillath O., Deboeck P. R. (2021). Do life events lead to enduring changes in adult attachment styles? A naturalistic longitudinal investigation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 120(6), 1567–1606. doi:10.1037/pspi0000326
16. Huh H.J., Kim K.H., Lee H. Chae J. (2017). Attachment Styles, Grief Responses, and the Moderating Role of Coping

- Strategies in Parents Bereaved by the Sewol Ferry Accident. *European Journal of Psychotraumatology*, 8, Article 1424446. doi:10.1080/20008198.2018.1424446
17. Lowe S. R., James P., Arcaya M. C., Vale M. D., Rhodes J. E., Rich-Edwards J., et al. (2020). Do levels of posttraumatic growth vary by type of traumatic event experienced? An analysis of the nurses' health study II. *Psychol. Trauma Theory Res. Pract. Policy* 14, 1221–1229. doi: 10.1037/tra0000554
 18. Mikulince, M., Shaver P. R. (2019). Attachment orientations and emotion regulation. *Current Opinion in Psychology*, 25, 6–10. doi:10.1016/j.copsyc.2018.02.006
 19. Sheftall A. H., Mathias C. W., Furr R. M., Dougherty D. M. (2013). Adolescent attachment security, family functioning, and suicide attempts. *Attachment & human development*, 15(4), 368–383. doi: 10.1080/14616734.2013.782649
 20. Stanton S. C. E., Campbell L. (2014) Perceived Social Support Moderates the Link between Attachment Anxiety and Health Outcomes. *PLoS ONE* 9(4): e95358. doi:10.1371/journal.pone.0095358
 21. Strand P. S., Vossen J. J., Savage E. (2019). Culture and Child Attachment Patterns: a Behavioral Systems Synthesis. *Perspectives on behavior science*, 42(4), 835–850. doi:10.1007/s40614-019-00220-3
 22. Sullivan R. M. (2012). The Neurobiology of Attachment to Nurturing and Abusive Caregivers. *The Hastings law journal*, 63(6), 1553–1570.
 23. Tang Q., Liu Y., Wang T., Chen X. (2021). The impact of attachment threat on mental state identification: The mediating role of negative emotion and the moderating role of attachment styles. *Journal of Social and Personal Relationships*, 38(11), 3097–3120. doi:10.1177/02654075211020831
 24. Tedeschi R. G., Shakespeare-Finch J., Taku K., Calhoun L. G. (2018). *Posttraumatic growth: Theory, research, and applications*. New York: Routledge doi: 10.4324/9781315527451
 25. Valdez C. E., Lilly M. M. (2015). Posttraumatic growth in survivors of intimate partner violence: an assumptive world process. *Journal of interpersonal violence*, no. 30(2), 215–231. doi: 10.1177/0886260514533154

Attachment as a determinant of posttraumatic growth in the experience of traumatic events

Ol'ga O. Andronnikova

PhD in Psychology, associate professor,
Dean of faculty of psychology,
Novosibirsk State Pedagogical University,
630126, 28, Vilyuiskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: andronnikova_69@mail.ru

Natal'ya V. Romanova

Applicant,
Psychotherapeutic Center "Berkana",
Novosibirsk State Pedagogical University,
630126, 28, Vilyuiskaya str., Novosibirsk, Russian Federation;
e-mail: vita80@inbox.ru

Abstract

The article presents an analysis of the influence of attachment style on the possibilities of post-traumatic growth. The concept of attachment is described through the concept of J. Bowlby. It is analyzed how the attachment style formed in relationships with a significant adult (parent, guardian) can influence the adaptation and restoration of the personality. The influence of attachment mechanisms on behavior in a traumatic situation and the process of post-traumatic growth is considered. The data of an empirical study conducted on a sample of psychology students and young

specialists - psychologists (N = 122 people) with experience of experiencing traumatic events are presented. The average age of respondents is 21.14 years. For the study, a biographical questionnaire, a questionnaire "Experience of Close Relationships" (ECR-R) (adapted by T.V. Kazantseva), a Posttraumatic Growth Inventory (PTGI) (M.Sh. Magomed-Eminov) were used. It was revealed that an insecure (anxious, rejecting) attachment style is negatively associated with the process of post-traumatic growth. Regression analysis allows us to draw a conclusion about the prognostic influence of attachment style on the general post-traumatic growth of personality. In addition, anxiety in attachment relationships determines difficulties in the growth of personal strength and an increase in the value of life, and avoidance of intimacy complicates changes in attitudes towards others. The results determine the need for psychotherapeutic assistance to individuals with insecure attachment in a situation of experiencing traumatic events.

For citation

Andronnikova O.O., Romanova N.V. (2025) Privyazannost' kak determinanta posttravmaticheskogo rosta pri perezhivanii travmaticheskikh sobytii [Attachment as a determinant of posttraumatic growth in the experience of traumatic events]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 14 (2A), pp. 32-42.

Keywords

Psychological trauma, traumatic experience, insecure attachment, anxious attachment style, intimacy avoidance, posttraumatic growth, determinants

References

1. Avdeeva, N.N. (2017), Attachment Theory: Current Research and Prospects [Electronic Resource]. [Teoriya privyazannosti: sovremennye issledovaniya i perspektivy], *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya (Contemporary Foreign Psychology)*, Vol. 6, no. 2, pp. 7-14. doi:10.17759/jmfp.2017060201
2. Kazantseva, T.V. (2008), Adaptation of the modified method "Experience of close relationships" by K. Brennan and R.K. Fraley [Adaptatsiya modifitsirovannoi metodiki «Opyt blizkikh otnoshenii» K. Brennan i R. K. Freili], *Izvestiya RGPU im. Gertsena (Bulletin of the Herzen State Pedagogical University)*, no. 34(74), pp. 139-143.
3. Padun M.A. Complex PTSD: psychotherapy of prolonged traumatization [Kompleksnoe PTSR: osobennosti psikhoterapii posledstviy prolongirovannoi travmatizatsii], *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya (Counseling Psychology and Psychotherapy)*, Vol. 29, no. 3, pp. 69-87. doi:10.17759/cpp.2021290306. (In Russ., abstr. in Engl.)
4. Magomed-Eminov M. Sh. Phenomenon of extremality [Fenomen ekstremal'nosti]. Moscow: Psychoanalytic Association, 2008. 118 p.
5. Ainsworth M. D. S. (1991). Attachments and other affectional bonds across the life cycle. In C. M. Parkes, J. Stevenson-Hinde, & P. Marris (Eds.), *Attachment across the life cycle* (pp. 33-51). London: Routledge.
6. Antonucci L. A., Taurisano P., Coppola G., Cassibba R. (2018). Attachment style: The neurobiological substrate, interaction with genetics and role in neurodevelopmental disorders risk pathways. *Neuroscience and biobehavioral reviews*, 95, 515–527. doi:10.1016/j.neubiorev.2018.11.002
7. Bakaitytė A, Puente-Martínez A, Ubilos-Landa S and Žukauskienė R (2022). Path to posttraumatic growth: The role of centrality of event, deliberate and intrusive rumination, and self blame in women victims and survivors of intimate partner violence. *Frontiers in psychology*. 13:1018569. doi: 10.3389/fpsyg.2022.1018569
8. Bowlby J., Ainsworth M., Bretherton I. (1992). The Origins of Attachment Theory. *Developmental Psychology*, 28, 759-775.
9. Bretherton I, Munholland K.A. Internal working models in attachment relationships. In: Cassidy J, Shaver PR, editors. *The Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications*. 2nd. New York, NY: Guilford Press; 2008. pp. 102–127.
10. Bretherton I. (2013) The Origins of Attachment Theory: *John Bowlby and Mary Ainsworth. Attachment Theory*. Routledge, 45-84.
11. Cassidy J., Jones J. D., Shaver P. R. (2013). Contributions of attachment theory and research: a framework for future

-
- research, translation, and policy. *Development and psychopathology*, 25(4 Pt 2), 1415–1434. doi:10.1017/S0954579413000692
12. Christie K., Sandoval A. (2024). Attachment Styles and Traumatic Responses: Exploring the Impact of Parental Interaction on Child Development and Coping Mechanisms. *Open Journal of Psychiatry*, 14, 467–489. doi: 10.4236/ojpsych.2024.145028.
 13. Dagan O., Groh A. M., Madigan S., Bernard K. (2021). A Lifespan Development Theory of Insecure Attachment and Internalizing Symptoms: Integrating Meta-Analytic Evidence via a Testable Evolutionary Mis/Match Hypothesis. *Brain sciences*, 11(9), 1226. doi:10.3390/brainsci11091226
 14. Fraley R.C., Brumbaugh C.C. (2004). A Dynamical Systems Approach to Conceptualizing and Studying Stability and Change in Attachment Security. In W. S. Rholes & J. A. Simpson (Eds.), *Adult attachment: Theory, research, and clinical implications* (pp. 86–132). Guilford Publications.
 15. Fraley R. C., Gillath O., Deboeck P. R. (2021). Do life events lead to enduring changes in adult attachment styles? A naturalistic longitudinal investigation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 120(6), 1567–1606. doi:10.1037/pspi0000326
 16. Huh H.J., Kim K.H., Lee H. Chae J. (2017). Attachment Styles, Grief Responses, and the Moderating Role of Coping Strategies in Parents Bereaved by the Sewol Ferry Accident. *European Journal of Psychotraumatology*, 8, Article 1424446. doi:10.1080/20008198.2018.1424446
 17. Lowe S. R., James P., Arcaya M. C., Vale M. D., Rhodes J. E., Rich-Edwards J., et al. (2020). Do levels of posttraumatic growth vary by type of traumatic event experienced? An analysis of the nurses' health study II. *Psychol. Trauma Theory Res. Pract. Policy* 14, 1221–1229. doi: 10.1037/tra0000554
 18. Mikulince, M., Shaver P. R. (2019). Attachment orientations and emotion regulation. *Current Opinion in Psychology*, 25, 6–10. doi:10.1016/j.copsyc.2018.02.006
 19. Sheftall A. H., Mathias C. W., Furr R. M., Dougherty D. M. (2013). Adolescent attachment security, family functioning, and suicide attempts. *Attachment & human development*, 15(4), 368–383. doi: 10.1080/14616734.2013.782649
 20. Stanton S. C. E., Campbell L. (2014) Perceived Social Support Moderates the Link between Attachment Anxiety and Health Outcomes. *PLoS ONE* 9(4): e95358. doi:10.1371/journal.pone.0095358
 21. Strand P. S., Vossen J. J., Savage E. (2019). Culture and Child Attachment Patterns: a Behavioral Systems Synthesis. *Perspectives on behavior science*, 42(4), 835–850. doi:10.1007/s40614-019-00220-3
 22. Sullivan R. M. (2012). The Neurobiology of Attachment to Nurturing and Abusive Caregivers. *The Hastings law journal*, 63(6), 1553–1570.
 23. Tang Q., Liu Y., Wang T., Chen X. (2021). The impact of attachment threat on mental state identification: The mediating role of negative emotion and the moderating role of attachment styles. *Journal of Social and Personal Relationships*, 38(11), 3097–3120. doi:10.1177/02654075211020831
 24. Tedeschi R. G., Shakespeare-Finch J., Taku K., Calhoun L. G. (2018). *Posttraumatic growth: Theory, research, and applications*. New York: Routledge doi: 10.4324/9781315527451
 25. Valdez C. E., Lilly M. M. (2015). Posttraumatic growth in survivors of intimate partner violence: an assumptive world process. *Journal of interpersonal violence*, no. 30(2), 215–231. doi: 10.1177/0886260514533154
-